

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ТИП ДЕМОКРАТИИ: СТРАТЕГИЯ «ИСКЛЮЧЕНИЯ» ПОЛИТИЧЕСКОГО

Ирина Викторовна Журбина,

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия,
soloveyIV1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Журбина И.В. Неолиберальный тип демократии: стратегия «исключения» политического // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 70–85. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_70

Аннотация

В статье анализируется проблема представительной демократии в условиях доминирования неолиберализма, радикально трансформирующего представление о политической жизни общества. Эвристически значимыми являются концепции, рассматривающие демократию неолиберального типа с позиций установления предела представлениям о том, что традиционно называется «власть народа»: «пределительство демократии» (К. Лэш), «конец либеральной демократии» (В. Браун), «постдемократия» (К. Крауч), «размывание западной демократии» (П. Майр), «предел либеральной демократии» (С. Жижек). В рамках философско-герменевтического метода исследования установление предела означает выявление концепций и понятий, возвращающих к вопросу о политическом смысле концепта представительной демократии в условиях глобальной «экономизации» жизни общества. Рассматривается парадоксальность системы демократического представительства на основе анализа механизмов политической репрезентации (Ф. Анкерсмит) и логики делегирования (П. Бурдье). Кризис системы демократического представительства показан через метафору барлбианской политики, демонстрирующую зависимость власти от голосов избирателей. Неолиберальный тип демократии рассматривается как

© Журбина И.В., 2022

вариант неполитической демократии. Лишение демократии политического смысла означает, что расширение демократического принципа (представительная демократия + элементы прямой демократии) неизбежно сопровождается сокращением политических полномочий избирателей, что, в свою очередь, снижает реальные возможности граждан оказывать влияние на государственную политику, находящуюся под властью элит, транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков. Обосновывается, что в условиях неолиберализма электронное правительство, медиадемократия, электронная демократия, кибердемократия являются формами симуляции политического смысла демократии, учитывая массовый «уход» граждан из политики и снижение уровня их политической активности.

Ключевые слова:

неолиберализм, система демократического представительства, репрезентация, делегирование, бартлбианская политика, медиадемократия, электронная демократия, кибердемократия.

UDC 1:32.001:321.7(045)

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_70

NEOLIBERAL DEMOCRACY: THE STRATEGY OF EXCLUDING THE POLITICAL MEANING

Irina V. Zhurbina,

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
soloveyIV1@mail.ru

Article received on March 23, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Zhurbina, I. V. (2022). Neoliberal Democracy: The Strategy of Excluding the Political Meaning. *Discourse-P*, 19(3), 70–85. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_70

Abstract

The article analyzes the issue of representative democracy under the dominance of neoliberalism, which radically transforms the idea of the political life of society. Heuristically significant are the concepts considering neoliberal democracy in terms of setting a limit to the ideas about what is traditionally called “power of the people”: “the betrayal of democracy” (Christopher Lasch), “the end of liberal democracy” (Wendy Brown), “post-democracy” (Colin Crouch), “the hollowing of Western democracy” (Peter Mair), and “the limits of liberal democracy” (Slavoj Žižek). According to the research

method of philosophical hermeneutics, setting a limit means identifying theories and concepts which bring back the debate on the political meaning of the concept of representative democracy in the context of the global “economization” of society. The paradoxical nature of the system of democratic representation is considered through the mechanisms of political representation (Frank Ankersmit) and the logic of delegation (Pierre Bourdieu). The article shows the system crisis of democratic representation by the metaphor of Bartlebian politics demonstrating the dependence of the authorities on the votes of the electorate. Neoliberal democracy is regarded as a variant of non-political democracy. Deprivation of democracy of its political meaning suggests that the expansion of the democratic principle (representative democracy + elements of direct democracy) is inevitably accompanied by a reduction in the political powers of voters, which, in turn, reduces real opportunities for citizens to influence public policy ruled by elites, transnational corporations, and world financial markets. The study also argues that in the context of neoliberalism, e-government, media democracy, e-democracy and cyberdemocracy are ways of simulating the political meaning of democracy given the mass withdrawal of citizens from politics and a decrease in their political activity.

Keywords:

neoliberalism, system of democratic representation, representation, delegation, Bartlebian politics, media democracy, e-democracy, cyber democracy.

Введение

В настоящее время кризис системы демократического представительства исследователи непосредственно связывают с процессами экономической глобализации и неолиберальной «экономизации» сфер жизни общества, которые до этого никогда не были зависимы от рынка: культура, образование, медицина, спорт (Браун, 2018; Дин, 2016). Глобальная экономика формирует представление о локальной политике государства, подчиненной экономике и закону рыночных отношений. Неолиберальное государство – «это государство конкуренции, государство рынка, государственная конфигурация, в которой политика следует логике капитала. Эта государственная форма несет, так сказать, штамп «проверено МВФ» (Бек, 2007, с. 344). Политика с большой буквы, которая традиционно была связана с проектами «счастливого общества», «справедливого общества», «хорошего общества», формирующими идеальные цели – Общественного блага, Счастья, Равенства, Свободы, Братства и т. д., замещается житейской политикой индивидов (Boyte, 2004; Clément & Zhelnina, 2020; Kerkvliet, 2009). Формируется демократия неолиберального типа, в рамках которой наблюдаются два противоположных явления: с одной стороны, деполитизация жизни общества становится стратегией государственной власти, негласно поддерживающей массовый «уход» индивидов из политики; с другой – происходит расширение форм демократического участия граждан.

Возобновление научного интереса к проблемам демократии определяется не столько стремлением исследователей «открыть демократию заново», сколько попытками переосмыслить демократию таким образом, чтобы «к ней адаптиро-

ваться в условиях снижения всеобщего интереса и вовлеченности в политику», т. е. «сохранить демократическую систему без демоса в ее центре» (Майр, 2019, с. 14). Наибольший интерес представляют исследования, показывающие пределы системы демократического представительства в условиях доминирования неолиберализма: «предательства демократии» (Лэш, 2002), «конца либеральной демократии» (Brown, 2003), «постдемократии» (Крауч, 2010), «предела политического выбора» (Родрик, 2014), «размывания западной демократии» (Майр, 2019), «предела либеральной демократии» (Жижек, 2020) и т. д. Позитивность рассуждений этих исследований заключается в том, что в них актуализируется понятие «предел», установление которого свидетельствует о научной рефлексии, возвращающей исследователей к исходному вопросу о политическом смысле концепта демократии: «заслуживает ли демократия того, чтобы выжить?» (Лэш, 2002, с. 65), «куда мы движемся?» (Крауч, 2010, с. 131), «что станет с надеждой на власть народа, если демос подвергнется дискурсивному разложению?» (Браун, 2018), «как сохранить демократию в условиях безразличия к политике народа?» (Майр, 2019) и т. д.

Интерпретация концептов, выявляющих пределы неолиберального типа демократии, открывает возможность для применения философско-герменевтического метода исследования. В рамках философской герменевтики данные теории можно рассматривать в качестве концептуальных путеводителей по неолиберальному миру глобальной экономики, содержащих герменевтические ключи, т. е. понятия, показывающие, что неолиберальный тип демократии является, по сути, неполитической демократией. К таким понятиям относятся «меритократия», «плутократия», «экспертотократия», «кибердемократия», «электронная демократия» и т. д. Особенность герменевтического анализа заключается в том, что именно философия имеет возможность объединять различные, на первый взгляд не связанные между собой концепции политологов, социологов и экономистов, занимающихся вопросами финансовой глобализации и ее последствий, в единый круг интерпретации, позволяющий понять ситуацию в целом (Гадамер, 1991, с. 79). Философская герменевтика, работающая на понятийном уровне, позволяет проследить как трансформацию смыслов устоявшихся категорий – демократия, народ, власть и т. д., так и установление смысла новых понятий, которые еще не имеют терминологической устойчивости категорий. В герменевтическом круге понимания (Хайдеггер, 2002, с. 153) любой термин и/или концепт является не конечной точкой (*terminus ad quem*), обозначающей эвристический предел исследования, а становится отправным термином и начальной точкой (*terminus a quo*), инициирующей процесс дальнейшего рассуждения.

В данном случае необходимо отметить, что стратегия деполитизации общества и польза «невмешательства широких масс в управление социальными процессами» обосновываются именно на концептуальном уровне, отражающем «интересы доминирующих социальных сил, заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка» (Мартьянов, 2021, с. 113). Философско-герменевтический анализ позволяет выявить доминирующие понятия неолиберального дискурса и показать, что «конец политики» является неолиберальным концептом, радикально трансформирующим представления о демократии. В работе обосновывается тезис о том, что неолиберальный тип демократии является вариантом неполитической демократии, демонстрирующей

отсутствие связи демократии и политики. Лишение демократии политического смысла означает, что расширение демократического принципа (представительная демократия + элементы прямой демократии) неизбежно сопровождается одно-временным сокращением политических полномочий избирателей, что, в свою очередь, снижает реальные возможности граждан оказывать влияние на государственную политику, находящуюся под властью элит, транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков.

Парадокс неолиберальной демократии: конституирование неравенства

Экономическая глобализация знаменует собой переход к демократии неолиберального типа, появление которой исследователи рассматривают в аспекте «конца либеральной демократии» (Brown, 2003). «Конец либеральной демократии» означает не просто победу либеральной традиции индивидуальных прав и свобод над демократической традицией народного суверенитета (Mouffe, 2000, р. 3). Неолиберализм, утверждающий принцип свободного рынка, открывает неограниченные возможности для расширения сфер влияния финансового и корпоративного капитала на политику национальных государств. Это актуализирует проблему сужения политических возможностей демократии (δημοκρατία) в современном мире. Это объясняется тем, что неолиберализм доводит до предела демократическую идею равноправия (ισονομία) или равенства.

Изначально демократия как принцип установления народного суверенитета, так и форма государственного правления базируется на парадоксальном замыкании «народа» на самом себе, который, учреждая власть над самим собой, разделяет себя на две неравные части – представителей и представляемые лица. «Правление народа посредством народа» порождает естественную антиномию между управляющими и управляемыми (Дюверже, 2000, с. 510), которая вытекает как из системы демократического представительства, так и логики делегирования. Если система демократического представительства базируется на принципе различия между избирателями и их представителями, разделяя народ на две неравные части, «одна из которых репрезентируется, а другая ее репрезентирует» (Анкерсмит, 2004, с. 29), то в основе делегирования лежит логика отчуждения народа, порождающая иллюзию о том, что представитель является первопричиной власти народа. «На практике индивиды, находящиеся в изолированном и безгласном состоянии, не имеющие ни способности, ни власти, чтобы заставить слушать себя и быть услышанными, оказываются перед выбором либо безмолвствовать, либо доверить другим право говорить от своего имени» (Бурдье, 1993, с. 239).

Система представительства и логика делегирования как бы изначально предполагают разделение, отчуждение и противопоставление народа самому себе. В условиях неолиберализма народ как политическое целое проявляет себя в предельных именах – глобализованные/транснациональные элиты и локальное население (Бауман, 2004), олицетворяющих собой состояние абсолютного «разрыва» между неравными частями народа. Институциональные элиты, занимающие привилегированное положение, образуют замкнутые круги власти, включающие в себя политиков, членов правительства и их советников, финан-

систов, политтехнологов, представителей индустрии развлечений и т.д. Чем больше замыкаются институциональные элиты, тем сильнее обнаруживает себя стремление элит модернизировать демократические институты, максимально сократив участие народа в политической жизни.

Демократия (δημο-кратία) в условиях исчезновения народа (δῆμος) как ее истока порождает множество форм власти (κράτος) ограниченного круга лиц – богатых (πλοῦτος/ὀλιγαρχία), знающих (expertus), достойных (meritus). В результате происходит семантическое смещение от «Народа» как суверенного политического целого к «народу» как исключенной из политики части: «один и тот же термин, следовательно, означает как конститутивный политический субъект, так и класс, который если и не в правах, то на деле исключен из политики» (Агамбен, 2015, с. 36). Возможность такого семантического смещения можно обнаружить как в древнегреческом термине δῆμος, так и позднелатинском *populus*, содержащих крайние значения понятия «народ». Если обратиться к слову δῆμος, то оно обозначает одновременно народ и недифференцированную массу обездоленной и безымянной части народа, не имеющую права говорить и принимать участие: «просто люди, которые не учитываются; те, у кого <...> нет права приниматься в расчет» (Рансьер, 2006, с. 203). В свою очередь, слово *populus* первоначально вообще выполняло функцию терминологической границы, обозначая суверенного носителя государственной власти, который отделяется от всех тех, кто не может участвовать в выборных органах власти и называется *plebs*. В то время *plebs* противопоставляется патрициям (*patres*). В современных европейских языках двусмысленность понятия «народ» присутствует в термине *populous*. В данном случае французское слово *peuple*, итальянское *popolo*, испанское *pueblo*, английское *people*, происходящие от позднелатинских *populous* и *popularis*, «означают в простой речи и в политическом лексиконе как массу граждан в качестве единого политического тела (как в словосочетаниях «итальянский народ» или «народный судья»), так и представителей низших классов» (Агамбен, 2015, с. 36). В немецком языке словами *pobel*, *povel*, *pöbel*, *pövel*, происходящими от позднелатинского *populus*, описываются социальные низы – бедняки, простолюдины или чернь, которые как бы отделяются от народа (*Volk*). Здесь терминологическое отделение низших слоев населения осуществляется посредством пейоративных добавлений к слову *Volk* («народ»). Социальные низы обозначаются посредством понятия *niederer volk*, «простой народ» в значении незначительный общественный слой – *gemeynes volck*, «беспольный народ» – *bubevolck* («народишко»), *völklin* («народец») (Вернер и др., 2016, с. 510, 515, 532).

Транснациональные элиты, монополизируя право принятия решений, являясь всего лишь частью общества, смещают понятие «народ» к исключенной из политического процесса части населения. Постулируемое демократией равенство оборачивается неравенством политических возможностей транснациональных (глобализованных) элит и народа. При неолиберализме принцип неравенства становится базовым принципом функционирования демократической формы государственного управления. В этом смысле неолиберализм, ориентированный на экономическую эффективность капиталистического рынка, вступает в противоречие с демократическими принципами, как бы показывая, что «нельзя одновременно поддерживать демократию, национальное самоопреде-

ление и экономическую глобализацию» (Родрик, 2014, с. 71). Возникает разрыв между «глобальным корпоративным капитализмом, свободными рынками и демократией» (Мартьянов, Руденко, 2022, с. 27). Транснациональные элиты олицетворяют собой высшую степень концентрации не просто власти, но тотальное господство «чистого» капитала, которое они используют для увеличения собственного могущества. Элиты не только диктуют экономическую политику избранным правительствам национальных государств, но и участвуют в их избрании путем лоббирования корпоративных интересов.

Сохранить капитал и свое господствующее положение, тем самым узаконив принцип неравенства, элиты могут только путем исключения политики. «Господство – это *власть без политики*. Без политики, ну разве что в качестве пережитка, которому предстоит исчезнуть» (Сюриа, 2001, с. 16). Отсутствие политики становится гарантом того, что не будет никакой социальной революции, способной перераспределить сформированный капиталом социальный порядок мира. Тотальное господство капитала организовано таким образом, считает М. Сюриа, что даже внутри финансовой, политической, информационной, юридической элиты отсутствует возможность захватить власть. «Поскольку нет больше никакой политики. Поскольку нет такой политики, над которой не возобладали бы деньги. Нет такой политики, над которой не возобладали бы деньги, поскольку нет политики, в которой деньги не решали бы все. Деньги до такой степени все решают, что нет больше политики, *даже политики денег*» (с. 21).

Деполитизацию жизни общества можно рассматривать в качестве осознанно выбранной стратегии государственной власти, находящейся под влиянием финансового и корпоративного капитала. Власть больше заинтересована в политической пассивности и индифферентности народа, чем в его поддержке (Бауман, 2021, с. 156). «Уход» большей части общества из политики означает исчезновение контроля народа за деятельностью власти. Отсутствие народа позволяет стереть границу между Большим правительством и Большим бизнесом, которые начинают взаимодействовать по модели «вращающихся дверей», а государственные интересы подменять интересами крупного бизнеса (Кляйн, 2015).

Кризис системы демократического представительства: бартлбианская политика

Кризис демократии исследователи связывают с исчезновением интереса у граждан к Политике с большой буквы, т. е. к политическим партиям, политическим движениям и программам правительства. Это приводит к снижению уровня массового политического участия граждан в мероприятиях, которые традиционно считались политическими (Бауман, 2002). Массовое безразличие граждан к политике знаменует собой не только «конец партийных демократий» (Майр, 2019, с. 10), но и «конец политики», поскольку неолиберальное государство лишает народ возможности демократическими способами влиять на решения власти. *Ното politicus* эпохи либерализма вытесняется *ното оэкономичесус* неолиберальной демократии (Браун, 2018).

В социальной философии кризис системы демократического представительства выражает метафора бартлбианской политики, означающая ненасильственное сопротивление индивидов власти, которые своим бездействием

реализуют единственное право – право не избирать представителей. Следует отметить, что бартлбианскую политику необходимо рассматривать не в качестве проявления неосознанной пассивности граждан, а как сознательный акт уклонения индивидов от участия в голосовании на выборах. Само понятие «бартлбианская политика» производно от фамилии Бартлби, главного персонажа повести Г. Мелвилла «Писец Бартлби» – нью-йоркского клерка, который на каждое требование хозяина что-то сделать отвечает одной фразой: «Я бы не предпочел»/*Would prefer not to*. Выражение, содержащее окончание *not to*, считает Ж. Делез, представляет собой пограничное высказывание с нарушенными грамматическими правилами. Такое высказывание является формулой, которая может неоднократно повторяться и видоизменяться: «Я не предпочел бы»/«Я не предпочел бы это делать»/«Я не предпочитаю говорить». Эта формула не только отвергает то, что предпочитается Бартлби не делать, но и делает невозможным то, что он должен делать. В этом смысле Бартлби не отказывается, но и не соглашается. «Формула <...> безжалостно уничтожает как предпочтительное, так и неpreferchitelnoe <...> она делает их неразличимыми: несет с собой пустоту неразличимости, неопределенности, которые постоянно занимают все больше места между неpreferchitelnoymi и preferchitelnoymi действиями» (Делез, 2002, с. 99–100).

В современной социальной философии образ Бартлби, во-первых, интерпретируется в аспекте позиции избирателей, которая определяется как пассивная активность индивидов, не желающих определенно отвечать «да» или «нет» (Жижек, 2010). Реализуя свое право не выбирать, индивиды не выступают против власти, что превратило бы их в участников протестного движения, но и не соглашаются участвовать в избирательном процессе, тем самым нарушая правила системы демократического представительства. Отказ от выборов становится актом, посредством которого избиратели устанавливают зоны молчания, лишая власть права на их голос. Это создает ситуацию, что сама власть как бы лишается голоса. Своим молчанием индивиды накладывают запрет на то, чтобы представители и/или власть говорила от их имени, в котором социальные индивиды отказываются узнавать самих себя. «Власть часто предпочитает диалог, участие, даже «критическое», молчанию – ей бы только вовлечь нас в «диалог», удостовериться, что наше зловещее молчание нарушено. И потому воздержание граждан от голосования есть подлинно политическое действие: оно властно ставит нас лицом к лицу с бессодержательностью современной демократии» (Жижек, 2010, с. 166). В данном случае молчание народа начинает говорить само за себя. В ситуации отказа от права выбора правительство «уже не может не замечать, что само оно существует и отправляет свои полномочия лишь постольку, поскольку граждане приемлют его в таком качестве – приемлют даже путем отрицания. Воздержание избирателей заходит дальше, чем внутривполитическое отрицание, чем вотум недоверия – оно отрицает сам принятый уклад» (с. 165). Власть лишается голосов избирателей, а значит, начинает существовать на пределе легитимности.

Во-вторых, Бартлби рассматривается как обобщенный образ просто человеческого существа. Поскольку Бартлби показан как персонаж, не имеющий никаких качеств и характерных черт, он оказывается полностью пустым или, «как сказали бы философы Возрождения, *homo tantum*, просто человеком и ни-

чем более» (Хардт, Негри, 2004, с. 193). В этом смысле Бартлби демонстрирует предельный способ отвержения власти, открывающий жизнь как таковую. Обращая к жизни, он становится персонажем, показывающим необходимость создания новой идеи жизни без политики, поскольку «в понятиях политики, сам по себе отказ (от работы и добровольного рабства, отрицание власти) ведет лишь к своего рода социальному самоубийству» (с. 194). Таким образом, метафора бартлбианской политики обращает, с одной стороны, к власти, показывая ее, пусть и формальную, зависимость от голосов избирателей. С другой стороны, бартлбианская политика возвращает к идее жизни как таковой, со всеми ее благами и радостями, к жизни, существующей в своей простоте и невинности.

Неполитическая демократия: утверждение «конца политики»

В современных социальных исследованиях неолиберальный тип демократии осмысливается на основе введенной К. Краучем (2010) концепции постдемократии. Использование префиксального способа образования понятия позволяет подчеркнуть современную трансформацию, которой подверглись демократические институты. Префикс, или приставка, «пост-» изменяет лексическое и грамматическое значение слова (Zhurbina, 2019, p. 170). В данном случае «демократия» не только утрачивает смысловую устойчивость категории, но и приобретает «веер» новых значений – электронной демократии, сетевой демократии, кибердемократии, медиадемократии и т. д. Концепция постдемократии открывает возможность трактовать неолиберальный тип демократии в перспективе тех значений, которые имеет приставка «пост-», означающая, во-первых, новое направление, возвращающее к началу; во-вторых, ситуацию упадка и/или конца (Лиотар, 1994, с. 57–58).

В первом варианте постдемократия интерпретируется как возвращение демократии к своему началу, когда представительная демократия начинает дополняться элементами прямой демократии, предполагающими увеличение форм демократического участия граждан и открытость власти для народа. Расширение принципа демократического участия граждан реализуется путем введения новых форм, к которым относятся в первую очередь мини-публики, моделирующие процесс публичной дискуссии граждан (Руденко, 2020) и способные выполнять функцию независимого контроля власти (Shablinskii, 2018); гражданские жюри, представляющие собой модель контроля гражданами органов местного самоуправления (Руденко, 2017); референдумы, организованные как общественными организациями, так и органами государственной власти, и т. д.

Однако такие мини-публики организуются не самими гражданами, принимающими в них участие, а органами государственной власти, частными фондами и академическими институциями (Shablinskii, 2018), что поднимает вопрос о степени их зависимости как от институтов власти, так и ангажированных ученых-экспертов, а также фондов, лоббирующих интересы корпораций и финансового капитала. Более того, решения граждан носят рекомендательный характер, т. е. не являются обязательными для власти, которая в зависимости от ситуации может их принять к сведению или проигнорировать. И, самое главное, содержание «повестки» ограничивается кругом вопросов, имеющих локальный характер и затрагивающих проблемы исключительно повседневной жизни.

Исследователи отмечают, что решаемые вопросы варьируются от обсуждения проблем охраны здоровья населения и планирования развития микрорайонов до обустройства детских площадок, мест захоронений, создания библиотек, строительства водопроводов (Руденко, 2020, с. 264–265).

Участие народа ограничивается обсуждением неполитических проблем, устранение которых является прямой обязанностью исполнительной власти и которые она как раз должна и может решать без обсуждения с народом. Такое «безудержное распространение демократии стерло границы между разными сферами человеческой деятельности – теми, где решения должны приниматься путем всенародного голосования или референдума, и теми, которые должны зависеть от профессионализма и компетентности» (Крацев, 2013). Актуальным является не столько вопрос, например, плохого качества воды или вырубки леса, а как получилось, что власть допустила такую ситуацию в результате проводимой экономической политики в интересах корпораций и частных компаний, которые загрязняют водоемы и уничтожают природные ресурсы? К этой категории относятся и популярные сегодня референдумы по вопросам благоустройства городской среды, когда гражданам предлагают выбрать один из объектов – парк, сквер, прогулочную зону и т. д., который необходимо благоустроить и/или построить заново. В связи с этим всегда возникают встречные вопросы к власти: «почему надо выбирать?», «почему у власти нет генерального плана благоустройства города?», «необходимость выбора – это дефицит бюджета или легитимная возможность его будущего «распила»?». Возникает парадоксальная ситуация, в соответствии с которой расширение форм демократического участия граждан одновременно уменьшает их возможность ставить собственно политические вопросы, способные подвергнуть сомнению не только механизм выборов, контролируемый рынком, но и установленный неолиберальный порядок власти. Обсуждение гражданами таких проблем, как перспектива глобальной катастрофы, нарушения прав человека, половая/национальная дискриминация, детская преступность и т. д. разрешается только путем превращения неолиберальной идеологии (капитал-парламентаризм) в аксиому, не требующую доказательств. В связи с этим и вопросы, ставящие под сомнение неолиберальный порядок – «что означает демократия, лишённая политики?» и/или «демократия есть?», приобретают даже не антидемократический смысл, а становятся невозможными.

Если обратиться к формам цифровой демократии (электронная демократия/кибердемократия), то они формируют представление об открытости власти для народа, поскольку упрощают доступ к информации о деятельности правительства и органов власти. Развитие сети Интернет открывает возможность «гражданам <...> участвовать в демократической жизни наряду с «управляющими», а также активизирует участие граждан в демократических процессах обсуждения и принятия политических решений (Пилипенко, 2019, с. 189). Используя интернет-технологии, граждане могут участвовать в обсуждениях, комментируя решения правительства, а также наблюдать в режиме онлайн-трансляции за заседаниями правительства и т. д. В этом смысле цифровые технологии создают «иллюзию близости» народа и власти, ее открытости и доступности для диалога с народом. Однако чем ближе власть оказывается к народу в цифровом мире, тем дальше от народа в реальном мире она находится. Цифровая демократия становится современной формой властвования неолиберальных (глобализованных)

элит, усиливающей парадоксы современной демократии. Демократия как бы существует, поскольку сохраняет свои институциональные формы, но в реальности ее нет, поскольку нарушен принцип равенства. Транснациональные корпорации, контролирующие неолиберальную власть, постоянно совершенствуют возможности цифрового мира, вкладывая немалые денежные средства в организацию онлайн голосований, референдумов, развитие проектов электронного правительства и т. д. Именно технические возможности позволяют использовать народ для легитимации антинародных решений, а непопулярные в народе решения принимать, минуя традиционные демократические каналы.

В эпоху доминирования неолиберализма проекты обновления форм демократии осуществляются в ситуации «конца политики». Это возвращает нас ко второму смыслу концепции постдемократии. Ситуация «конца политики» трактуется исследователями либо как конец национально-государственной политики и переход к политике транснациональной, которая формируется перед лицом глобальных катастроф (Бек, 2007, с. 332), либо в аспекте конца демократии как формы государственного устройства и конкретной конфигурации отдельного государства. Демократия начинает рассматриваться как категория отдельной политики (*une politique*), а именно политики капитала-парламентаризма, но не политики как таковой (*la politique*) (Бадью, 2005, с. 163). В этом смысле неолиберальный тип демократии является понятием-пределом, показывающим одновременно исчерпанность концепта демократии как государственной формы, так и возвращающим к представлению о демократии как принципу равенства, установление которого является смыслом современной политики активизма и/или политики равенства, разворачивающейся в местах, где возникают ситуации радикального неравенства.

Заключение

Неолиберализм трансформирует политический смысл концепта демократии. Лишение демократии политического смысла означает «конец демократии» и наступление постполитического состояния мира. В «конце политики» демократический принцип равенства или равноправия оборачивается своей противоположностью – неравенством. В неолиберализме разделение, отчуждение и, как итог, противопоставление народа самому себе проявляют себя в предельных именах – глобализованные/транснациональные элиты, демонстрирующие идею «чистого» капитала, и локальное население, представляющее идею «чистой» жизни. Семантически неустойчивое понятие «народ» начинает относиться к локальному населению, исключенному из процесса принятия политических решений. Эффект неравенства не признается как естественный продукт развития демократической системы, базирующейся на аксиоматике равенства. Эффект начинает функционировать одновременно в двух режимах – нехватки и избытка демократии. Первый вариант основывается на аксиоме, вариациями которой служат утверждения: «демократия является единственно возможным вариантом» (Шмиттер, 2006); «парламентские демократии не хороши, но они «наименее плохи» (Бадью, 2005, с. 112). В данном случае нехватка демократии восполняется развитием новых форм участия народа в политическом процессе: мини-публики, гражданские жюри, референдумы и т. д. Однако участие наро-

да ограничивается обсуждением неполитических проблем, создавая при этом видимость развития демократического процесса и не позволяя констатировать «конец демократии» как власти народа. Вариант избытка демократии открывает возможность существования «демократии без демоса». В данном случае исключение народа становится гарантом неизменности неолиберального порядка. Бартлбианская политика разворачивает народ к идее жизни, показывая, что любая борьба с властью глобального капитала бесполезна и бессмысленна, поэтому звучит как бы негласный призыв: «Живи и радуйся!» и/или «Просто живи!» Выражением бесполезности и бессмысленности любой политической борьбы с властью транснациональных элит и глобального капитала становится фигура Михаэла К. – главного персонажа романа Дж. М. Кутзее, чье бесконечное движение, отрицающее власть, обесмысливает саму жизнь (Хардт, Негри, 2004, с. 193). В этом смысле неолиберальный тип демократии, с одной стороны, показывает исчерпанность концепта демократии в условиях доминирования глобального капитала, с другой – это понятие осуществляет «поворот» исследования концепта демократии за пределы представлений о форме государственной власти. Здесь демократия отождествляется с понятием «равенство», которое может рассматриваться как основание политики активизма «исключенной» части народа.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2015). *Средства без цели. Заметки о политике*. М.: Гилея.
2. Анкерсмит, Ф. (2004). Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу. *Логос*, (2), 15–40.
3. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
4. Бауман, З. (2002). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
5. Бауман, З. (2004). *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: Весь мир.
6. Бауман, З. (2021). *Свобода*. М.: Новое издательство.
7. Бек, У. (2007). *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего.
8. Браун, В. (2018). Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, (4), 99–129.
9. Бурдье, П. (1993). *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
10. Вебер, М. (1990). Политика как призвание и профессия. В М. Вебер, *Избранные произведения* (с. 644–706). М.: Прогресс.
11. Вернер, К., Гцницер, Ф., Козеллек, Р., Шёнеман, Б. (2016). Народ, нация, национализм, масса (Volk, Nation, Nationalismus, Masse). В *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи* (Т. 2, с. 322–752). М.: Новое литературное обозрение.
12. Гадамер, Г.-Г. (1991). О круге понимания. В Г.-Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного* (с. 72–81). М.: Искусство.
13. Делез, Ж. (2002). *Критика и клиника*. СПб.: Machina.
14. Дин, М. (2016). *Правительность: власть и правление в современных*

обществах. М.: Дело.

15. Дюверже, М. (2000). *Политические партии*. М.: Академический Проект.
16. Жижек, С. (2010). *О насилии*. М.: Европа.
17. Жижек, С. (2020). *Пределы либеральной демократии*. Взято 5 марта 2022, с <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/predely-liberalnoj-demokratii>
18. Кляйн, Н. (2015). *Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга.
19. Крастев, И. (2013). *Подъем и падение демократии? Меритократия?* Взято 1 апреля 2022, с <https://globalaffairs.ru/articles/podem-i-padenie-demokratii-meritokratiya/>
20. Крауч, К. (2010). *Постдемократия*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
21. Лиотар, Ж.-Ф. (1994). Заметка о смыслах «пост». *Иностранная литература*, (1), 56–59.
22. Лэш, К. (2002). *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Логос.
23. Майр, П. (2019). *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. М.: Изд-во Института Гайдара.
24. Мартьянов, В. С. (2021). В поисках другого мейнстрима. *Полит. Политические исследования*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
25. Мартьянов, В. С., Руденко, В. Н. (2022). Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности. *Полития*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
26. Пилипенко, А. Н. (2019). Франция: к цифровой демократии. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, (4), 185–207. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.4.185.207>
27. Рансьер, Ж. (2006). *На краю политического*. М.: Праксис.
28. Родрик, Д. (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. *Экономическая социология*, 15(2), 65–74.
29. Руденко, В. Н. (2017). Гражданские большие жюри как форма общественного контроля. *Дискурс-Пи*, (2), 22–30. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.2230>
30. Руденко, В. Н. (2020). Перспективы демократии в современном конституционализме. *Вестник Российской академии наук*, 90(3), 259–266. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030202>
31. Сюрис, М. (2001). *Деньги: крушение политики*. СПб.: Наука.
32. Хайдеггер, М. (2002). *Бытие и время*. СПб.: Наука.
33. Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
34. Шмиттер, Ф. К. (2006). Угрозы и дилеммы демократии. Взято 4 февраля 2022, с <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>
35. Boyte, H. C. (2004). *Everyday politics: Reconnecting citizens and public life*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
36. Brown, W. (2003). Neoliberalism and the end of liberal democracy. *Theory and Event*, 7(1), 15–18. <https://doi.org/10.1353/tae.2003.0020>
37. Clément, K., & Zhelnina, A. (2020). Beyond loyalty and dissent: Pragmatic

everyday politics in contemporary Russia. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 33(2), 143–162. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9319-0>

38. Kerkvliet, B.J. (2009). Everyday politics in peasant societies (and ours). *Journal of Peasant Studies*, 36(1), 227–243. <https://doi.org/10.1080/03066150902820487>

39. Mouffe, C. (2000). *The Democratic paradox*. London & New York: Verso.

40. Shablinskii, A. (2018). On mini-publics in deliberative democracies: Inefficient instrument or Arendt's "Oasis of freedom"? *Социологическое обозрение*, 17(4), 103–116. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-4-103-116>

41. Zhurbina, I. (2019). Interpreting the concept of politics in terms of prefixation. *Balkan Journal of Philosophy*, 11(2), 169–178. <https://doi.org/10.5840/bjp201911217>

References

1. Agamben, G. (2015). *Sredstva bez celi. Zametki o politike* [Means without end: Notes on politics]. Moscow: Gileya.

2. Ankersmit, F. (2004). Reprezentativnaja demokratija. Jesteticheskiy podhod k konfliktu i kompromissu [Representative democracy. An aesthetic approach to conflict and compromise]. *Logos*, (2), 15–40.

3. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics: Can politics be thought?]. Moscow: Logos.

4. Bauman, Z. (2002). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society]. Moscow: Logos.

5. Bauman, Z. (2004). *Globalizacija. Posledstviya dlja cheloveka i obshchestva* [Globalization: The human consequences]. Moscow: Ves' mir.

6. Bauman, Z. (2021). *Svoboda* [Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

7. Beck, U. (2007). *Vlast' i ee opponenty v e'poxu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya e'konomiya* [Power in the global age: A new political economy]. Moscow: Progress-Tradiciya; Territoriya budushhego.

8. Bourdieu, P. (1993). *Sociologija politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos.

9. Boyte, H.C. (2004). *Everyday politics: Reconnecting citizens and public life*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

10. Brown, W. (2003). Neoliberalism and the end of liberal democracy. *Theory and Event*, 7(1), 15–18. <https://doi.org/10.1353/tae.2003.0020>

11. Brown, W. (2018). Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyvaet gosudarstvo i sub»ekta [Undoing democracy: Neoliberalism's remaking of state and subject]. *Neprikosnovennyj zapas*, (4), 99–129.

12. Clément, K., & Zhelnina, A. (2020). Beyond loyalty and dissent: Pragmatic everyday politics in contemporary Russia. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 33(2), 143–162. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9319-0>

13. Crouch, C. (2010). *Postdemokratiya* [Post-democracy]. Moscow: Izd. Dom Vysshej shkoly e'konomiki.

14. Dean, M. (2016). *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshchestvah* [Governmentality. Power and rule in modern society]. Moscow: Delo.

15. Deleuze, G. (2002). *Kritika i klinika* [Essays critical and clinical]. Saint Petersburg: Machina.

16. Duverger, M. (2000). *Politicheskie partii* [Political parties]. Moscow: Akademicheskij Proekt.
17. Gadamer, H.-G. (1991). O krugе ponimaniya [On the circle of understanding]. In H.-G. Gadamer, *Aktual'nost' prekrasnogo* (pp. 72–81). Moscow: Iskusstvo.
18. Hardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis.
19. Heidegger, M. (2002). *Bytie i vremya* [Being and time]. Saint Petersburg: Nauka.
20. Kerkvliet, B.J. (2009). Everyday politics in peasant societies (and ours). *Journal of Peasant Studies*, 36(1), 227–243. <https://doi.org/10.1080/03066150902820487>
21. Klein, N. (2015). *Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof* [The shock doctrine: The rise of disaster capitalism]. Moscow: Dobraya kniga.
22. Krastev, I. (2013). *Pod'em i padenie demokratii? Meritokratiya?* [The rise and fall of democracy? Meritocracy?]. Retrieved April 1, 2022, from <https://globalaffairs.ru/articles/podem-i-padenie-demokratii-meritokratiya/>
23. Lasch, C. (2002). *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The revolt of the elites and the betrayal of democracy]. Moscow: Logos.
24. Lyotard, J.-F. (1994). Zametka o smysle "post" [Note on the meanings of "post"]. *Inostrannaya literatura*, (1), 56–59.
25. Mair, P. (2019). *Upravlyaya pustotoj. Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Ruling the void: The hollowing of western democracy]. Moscow: Izdvo Instituta Gajdara.
26. Martyanov, V.S. (2021). V poiskax drugogo mejnstrima [In search of another mainstream]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
27. Martyanov, V.S., & Rudenko, V.N. (2022). Magiya belogo progressora: ot global'nogo kargokul'ta k novej politicheskoj normal'nosti [The magic of the white progressor: From global cargo cult to a new political normality]. *Politiya*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
28. Mouffe, C. (2000). *The Democratic paradox*. London & New York: Verso.
29. Pilipenko, A.N. (2019). Franciya: k cifrovoj demokratii [France: To digital democracy]. *Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly e'konomiki*, (4), 185–207. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.4.185.207>
30. Rancière, J. (2006). *Na krayu politicheskogo* [On the edge of the political]. Moscow: Praksis.
31. Rodrik, D. (2014). Paradoks globalizacii: demokratiya i budushhee mirovoj e'konomiki [The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy]. *E'konomicheskaya sociologiya*, 15(2), 65–74.
32. Rudenko, V.N. (2017). Grazhdanskije bol'shie zhyuri kak forma obshhestvennogo kontrolya [Civil grand juries as a form of civil control]. *Diskurs-Pi*, (2), 22–30. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.2230>
33. Rudenko, V.N. (2020). Perspektivy demokratii v sovremennom konstitucionalizme [Prospects of democracy in modern constitutionalism]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 90(3), 259–266. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030202>
34. Shablinskii, A. (2018). On mini-publics in deliberative democracies: Inefficient instrument or Arendt's "Oasis of freedom"? *Sociologicheskoe obozrenie*, 17(4), 103–116. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-4-103-116>

35. Shmitter, P.C. (2006). Ugrozy i dilemmy demokratii [Dangers and dilemmas of democracy]. Retrieved February 4, 2022, from <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>
36. Surya, M. (2001). *Den'gi: krushenie politiki* [Money: The ruin of politics]. Saint Petersburg: Nauka.
37. Weber, M. (1990). Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation]. In M. Weber, *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 644–706). Moscow: Progress.
38. Werner, K., Gschnitzer, F., Koselleck, R., & Schönemann, B. (2016). Narod, naciya, nacionalizm, massa (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) [People, Nation, Nationalism, Mass (Volk, Nation, Nationalismus, Masse)]. In *Slovar' osnovnykh istoricheskix ponyatij: izbrannye stat'i* (Vol. 2, pp. 322–752). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
39. Zhurbina, I. (2019). Interpreting the concept of politics in terms of prefixation. *Balkan Journal of Philosophy*, 11(2), 169–178. <https://doi.org/10.5840/bjp201911217>
40. Žižek, S. (2010). *O nasilii* [Violence]. Moscow: Evropa.
41. Žižek, S. (2020). *Predely liberal'noj demokratii* [The limits of liberal democracy]. Retrieved March 5, 2022, from <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/predely-liberalnoj-demokratii>

Информация об авторе

Ирина Викторовна Журбина, кандидат философских наук, доцент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru

Information about the author

Irina Victorovna Zhurbina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru